

Ольга Гости́на из рода Кочубеев, австралийский этнограф

В 21 год я кончила изучать этнографию в Университете в Иоганнесбурге, и сама преподавала там один год. Потом подала заявки в разные места для получения стипендии для работы над докторской диссертацией, и я получила стипендию в Австралийском национальном университете, в Канберре для изучения папуасов Новой Гвинеи. Меня особенно интересовала одна тема, я хотела выяснить, что происходит в душе, в сердце людей, когда они переходят в христианство. Этот интерес был вызван тем, с чем я столкнулась в Южной Африке: что заставило африканцев присоединиться к Голландской реформационной церкви, учение которой оправдывало несправедливости апартеида? Но когда в 1963 году я приехала в Австралийский национальный университет, мой научный руководитель решил, что я не готова к изучению такой сложной темы, а меня другие темы не интересовали. Но в конце концов однажды я прихожу к нему, и он мне дает письмо, в котором рассказывается о том, что священник, который работал в племени горных папуасов, решил переселить их вниз, в долину, и создать там каучуковую плантацию. Эти люди впервые вступают в товарно-денежные отношения, и нужно, чтобы кто-нибудь изучал этот процесс. Ведь никто не верил, что люди оставят свои земли, могилы своих предков и пойдут жить в долину и устраивать плантации. И я решила взять эту тему.

Племя папуасов называлось куни, оно жило к северу от Порт-Морсби, 80 миль, но в то время туда не было дороги, надо было плыть до острова, где был католический центр, и потом, при приливе, можно было войти в реку, подняться по реке, и наконец дальше идти два дня пешком. Долина, где они жили, называлась Бакоюду. Я там прожила два года, освоила язык и подготовила свою докторскую диссертацию.

Но во время работы у меня были там неприятности. Дело в том, что я была там первая белая женщина, пожалуй темная, а не белая, но главное, что не монахиня. Священник очень обеспокоился, когда узнал, что именно этнограф приезжает. Оказалось, что многие люди из-за этого переселения умерли, там была малярия, вначале не было домов, народ очень тяжело все это переживал, а священник—ведь именно он организовал это переселение—совсем не хотел, чтобы кто-то появился изучать, что там происходит. И перед моим приездом он сказал людям: «Ни за что с ней не разговаривайте, она будет писать плохо о вас, молчите». И вот я приезжаю, и он спустился меня встретить, потому что ему звонил епископ, и когда он меня увидел, такую молодую девчонку, говорящую по-французски, он сразу тепло ко мне отнесся, но он так и не признался мне, что он уже настроил папуасов против меня.

А я чувствовала, что я не могу к людям пробиться, я изо всех сил стараюсь объяснить им через переводчика, что я хочу изучать их быт, все описывать, и они как будто соглашались, но потом молчат. Я сказала священнику, что я не понимаю, в чем дело: люди как будто очень открытые, но когда я хочу описывать их быт, они закрываются. Он сказал: «Может быть, если вы возьметесь лечить их кожную болезнь,—а у них была кожная болезнь, они постоянно чесались,—то за шесть месяцев они выздоровеют, но уже через пару недель они будут знать, какой вы человек, и все откроется». И вот я начала их лечить. Просыпаюсь утром и 70 человек ждут, и я их лечу, мажу специальным лекарством, и изучаю язык, повторяю, что они говорят, неправильно повторяю, хохот, смех, но постепенно я все-таки изучаю язык. Но самое важное, что буквально через полтора часа я знала все их события и новости, кто где что сажает, у кого праздник, кто умер.

В середине всей этой каши приезжает мой научный руководитель из Канберры. Она очень расстроилась, когда увидела эту очередь, которая стояла ко мне и разбудила ее утром. Она говорит: «Вы этнограф, а не социальный или медицинский работник, Вы должны научно подходить, а не как миссионерка. Бросьте это». А я говорю: «Я не брошу. Во-первых, потому что они нуждаются в моей помощи, во-вторых, потому что я изучаю язык, в-третьих, теперь я сразу знаю, где что происходит и выбираю, куда идти собирать материал». Она была очень против этого, говорила, что я абсолютно плохой этнограф, что так нельзя подходить к науке, что надо быть далеко от народа и изучать его чисто научно. Из-за этого события меня вызвали обратно в Канберру, собрали большой круглый стол и стали все это обсуждать. А передо мной как раз сидел студент-этнограф, который работал на Новой Гвинее, и он приехал оттуда без зуба и хотя обсуждали меня, я у него спрашиваю:

- Как ты потерял зуб?
—О, я прошел мужскую инициацию.
—И как долго?
—Три-четыре месяца.
—Так ты жил изолированным с мужчинами?
—Да-да.

И я говорю:

—Вот интересно, мужчина может идти с мужчинами, надолго закрыться с ними, не зная ничего о том, что вокруг происходит, но все говорят: «Потерял зуб, очень хорошо, значит, он все знает», а я час-полтора утром лечу, работаю с людьми, и это считается неправильным! Вы можете мне объяснить в чем же разница?—Молчат. И я говорю:—Пожалуйста, проверяйте мою работу по данным, а как я их добываю, это мое дело. Если мужчина хочет, чтобы ему выбивали зуб или делали обрезание—пожалуйста, но дайте и мне делать мое дело.

И вот они согласились, но боюсь, что у меня осталась страшная репутация! Я опять поехала на Новую Гвинею и закончила свое исследование, а потом вернулась в Канберру.

Русский язык в то время у меня был очень плохой, но все-таки это был не чужой язык. Когда я жила в общежитии, в Университетском доме (University House), в Канберре, там жил очень знаменитый пожилой русский энтомолог и историк, доктор Сергей Парамонов. Он казался нелюдимом, но понемножку он начал со мной говорить, я думаю, что он решил немного помочь мне улучшить мой русский, он начал приглашать меня к себе в комнату и играл на пианино и пел какие-то русские песни, и показывал мне своих мух, и постепенно он стал мне как отец. Когда я познакомилась с Виктором, Сергей Яковлевич очень хотел, чтобы мы поженились. А я не хотела выходить замуж, я хотела вернуться в Африку или ехать на Новую Гвинею и там работать, и ни за что не хотела жить в Австралии и вести «буржуазную жизнь», как я это называла, со своим домиком и садиком. Я хотела настоящей жизни, я хотела жить с людьми, которые страдают. А Парамонов мне говорил, что все это глупости; вскоре после нашего обручения он заболел и умер в больнице. И когда мы обвенчались, мой свадебный букет мы положили ему на могилу.

Когда я в первый раз приехала в Канберру из Африки, я пошла в русскую церковь, тогда еще храма не было, а был обычный дом, и я туда ходила, чтобы слушать что-то знакомое. Но потом, когда я поехала на Новую Гвинею, тот католический священник сказал: «Оля, Вы будете здесь два года, как же Вы будете без таинства и без причастия?». Я говорю: «Вы католик, я православная, что же можно сделать». Это было в 1963 году, и он написал в Рим, и пришло их Рима разрешение, чтобы я получила таинство от католического священника. И вот когда я вернулась сюда в Канберру и пошла в православную церковь, священник спрашивает:

- Когда Вы последний раз причащались?
—Шесть месяцев назад.
—Как это может быть, я Вас не видел!
—Я была на Новой Гвинее.
—Но там священников нет!
—Я была у католического священника.

Мне так попало! Но я продолжала ходить в православную церковь в Канберре.

Когда мы познакомилась с Виктором, он не был связан с православной церковью, его родители были больше связаны с лютеранской. У Виктора бабушка была эстонка, а отец с Украины, но они не придерживались православия, из эстонской ветви шло лютеранство. Они приехали в Австралию из Китая, а в Австралии они вообще отошли от формальной религии, у них была глубокая вера в Бога, но не церковного. Когда зашел разговор о венчании, его родители были готовы, чтобы мы венчались здесь в православной церкви. Мои родители не могли приехать из Африки, но где-то в Сиднее я отыскала дядю Романа Мусина-Пушкина. Он был из Бельгии, мама дала мне знать о нем, я с ним познакомилась, и он меня «отдал» на свадьбе. С ним приехал целый сиднейский хор сюда и было православное венчание в церкви.

И уже после свадьбы мы получили стипендии, чтобы ехать в Россию, это был обмен между АНУ и МГУ, мы были среди первых четырех человек, которые поехали в Россию по этому обмену. Я поехала в Россию с планом изучать проблемы переселения, потому что этим же я занималась у папуасов. Причем я еще в Австралии много потратила сил, чтобы узнать, какие именно переселения в России получили Ленинские премии. Чтобы не было лишних подозрений, я искала те переселения, что удались. Я выбрала одно на севере, у ненцев, одно на юге—это было неудачно, потому что оно оказалось близко к какому-то космодрому, где запускали ракеты,—на западе я выбрала остров в Балтике, и еще одно очень удачное переселение на Камчатке. И я подала заявку на изучение одного из

четырёх переселений, чтобы никто не мог сказать, что я хочу именно туда или сюда, я готова была на любое из четырёх. Я поехала по обмену как этнограф, думая, что я буду заниматься исследованием, но когда я приехала, оказалось, что все было закрыто. Мой дорогой, милый руководитель Сергей Александрович Токарев сказал, что все закрыто, нельзя ни туда, ни сюда.

Что же было делать? Тогда я пошла на русский язык в Университет, там все было бесплатно, сколько хочешь часов. Они спрашивают:

—С чего вы хотите начать?

—С азбуки.

—Ну, что вы!

—Я неграмотная, я не умею писать, я не умею читать.

—Но вы говорите!—И они мне не поверили и поставили меня в более продвинутый класс. Так я и не смогла догнать других студентов, потому что те в Голландии, в Бельгии, в Америке изучали грамматику, и они уже читали. В конце концов из этого мало что получилось.

И тогда мне ничего не осталось как заняться новыми обрядами. Я стала ходить по музеям. Я так и не поняла, почему меня вообще пропустили в СССР, ведь они знали, что я этнограф и хочу заниматься переселением! Но что интересно, когда я ездила с Виктором в Крым, мы сами совершенно случайно наткнулись на такое переселение, писать о котором было нельзя. Мы попали там на переселение татар, сначала их выслали в Казахстан, а потом они возвращались в Крым. Я Виктору сказала: «Ну вот, какая ирония. Изучать переселения, которые получили Ленинские премии, невозможно, а здесь из-за того, что ты геолог, мы попали в Крым, где люди открыто говорили такие вещи, что...» Но мы решили, что важнее не повредить обмену между университетами, и я просто не стала этим заниматься, ведь мы сидели там на настоящей бомбе. И так получилось, что вся моя поездка по обмену имела очень мало научной пользы. Ну, русский язык, конечно, улучшился; много друзей, научные связи, все это до сих пор продолжается.

Общие впечатления от России? Их было два. Одно негативное. Я поехала в Россию идеалисткой. Я была за коммунизм, за справедливость, за равенство, и для меня было настоящим шоком, что то, что я считала западной антикоммунистической пропагандой, в основном оказалось правдой. Но больше всего меня замотала бюрократия. Дело в том, что мы с Виктором подали документы на эту поездку еще до венчания, и я была под фамилией ван Рейсвейк, а после свадьбы по паспортам мы были оба Гостины. Но бюрократы в МГУ никак не могли этого понять, и каждый месяц получить стипендию было огромной проблемой. Я помню, что я один раз поскользнулась на льду, упала и лежу, и Виктор говорит: «Вставай», а я говорю: «Нет, я просто здесь останусь, замерзну—и все, я дальше не хочу...»

А вот из положительного—народ. Глубокая, глубокая духовность. Люди, такие милые, добрые, хорошие. Потом культура, незнакомая, о которой мама никогда не говорила. Это было просто чудное открытие, мы ходили по музеям, на выставки, в театры.

И там мы решили, что если у нас будут дети, то мы начнем говорить с ними по-русски, а не по-английски, английский они все равно освоют в школе. Когда в Аделаиде у нас родились Наташа и Андрейка, мы так и сделали, хотя это и было очень трудно. Но как только Наташа пошла в детский сад, она перешла на английский, а за ней и Андрейка. Но все же мы продолжали заниматься русским языком, и хоть в школу при церкви они не ходили, мы возили их к нашим русским знакомым каждую неделю на несколько часов, они с ними занимались. Но судьба такая, что все повторяется в жизни. Когда им было лет 8-10, Наташа и Андрейка сказали: «Зачем мы изучаем этот странный язык, кто на нем говорит?». И действительно, русских друзей у нас было очень мало, весь наш быт был австралийский. И мы решили все вместе поехать в Россию на международный геологический конгресс. Мы были единственные, кто приехал всей семьей, с детьми, и мы тогда поехали еще в Сибирь и в Казахстан. Тогда дети, наконец, поверили, что есть большая страна, где все говорят по-русски.

Детей мы крестили в русской церкви и ходили туда на службу. И вот, когда Наташе было лет 12, она сказала: «Знаешь, мама, я пойду с тобой в церковь, если ты хочешь, но это не для меня. Зачем по воскресеньям стоять два часа и слушать древнеславянский язык, который я совсем не понимаю?». Это было как я сама когда-то заявила своей маме. И я сказала Наташе: «Наташа, ради меня не надо ходить в церковь. В церковь надо идти тогда, когда есть желание. Ты никогда не должна делать то, что не для тебя». Но русский язык все-таки для нее не чужой. Интересно, что Наташа вышла за грека, православного, они венчались в православной церкви, и у них в семье православие продолжается.

Что касается Австралии... Если у меня кто-то спросит «Кто Вы, и откуда Вы, и какая у Вас национальность?» у меня никаких колебаний нет—я австралийка. Я не копаюсь в прошлом, не колеблюсь. Только русские всегда спрашивают: «Да-да, австралийка, это мы знаем, но дальше, ваши корни». Я чувствую себя австралийкой, и конечно дети тоже, они австралийцы и в этом никакого

сомнения нет. Я думаю, что мой подход похож на мамин, она была очень лояльна к Бельгии и к Южной Африке, и я так же отношусь к Австралии. То чувство любви, которое мама и папа испытывали к Южной Африке, я испытываю к Австралии. Здесь родились наши дети, здесь они выросли, никто нам здесь не мешает. Прекрасно, что здесь многокультурность, и хотя мы видим много проблем, мы стараемся помочь их решению. Ведь и здесь, как и в Южной Африке, можно сказать, что мы забрали у аборигенов землю и на этом построили свою счастливую жизнь. Я занимаюсь аборигенами, потому что я хочу что-то дать им, дать этой стране, а не только пользоваться тем, что дает «Счастливая страна».

Да, это отношение проявилось во всей моей работе. Ведь сначала, когда я не хотела тут жить, а хотела ехать в Африку или на Новую Гвинею и помогать людям, Виктор меня уговаривал, что можно найти нуждающихся в помощи людей и в Австралии. И я согласилась с ним, не зная еще, как сложится наша дальнейшая жизнь. Сначала жизнь в Аделаиде была обычной,—дом, друзья, соседи, дети,—но все это как-то не давало полного внутреннего удовлетворения, и я искала что-то большее. Когда дети пошли в школу, я узнала, что в Южно-Австралийском университете создается первая программа, которая позволяла аборигенам получить высшее образование, не кончая школу. Меня приняли туда преподавать этнографию, и с тех пор это моя единственная работа, где я проработала 20 лет. Теперь я собираюсь на пенсию и надеюсь, что мое место преподавателя займут уже сами аборигены.

Благодаря моим близким контактам с аборигенами, я смогла заглянуть в глубоко духовную жизнь аборигенов, смогла почувствовать их связь с землей, их любовь к земле. И это самое большое богатство всей моей научной жизни.

Да, пожалуй у нас жизнь идет в двух направлениях—одновременно к русским и к аборигенам. Я это не отделяю одно от другого, а как бы одновременно охватываю в своей душе. Последний год у нас дома несколько раз останавливалась моя студентка-аборигенка. Интересно, что когда к нам приезжают русские, они видят наш дом как австралийский—бумеранги, картины австралийских художников. А моя аборигенка все спрашивает о русском быте, потому что в комнате, где она спит, висит икона, есть русские сувениры, книги и фотографии. А вообще—может быть это еще будет меняться,—я не нахожу нужды идентифицировать себя только с той или иной культурой. Впрочем именно русские иногда вызывают у меня чувство, что я больше австралийка, чем русская. Это бывает когда я встречаюсь с иммигрантами, приехавшими из России, и мне часто просто страшно слушать, как они с презрением говорят о нашей Австралии, которая им столько дает—«Когда мы приехали, для нас в холодильнике были приготовлены только курица и фрукты, а у других было и то, и то». Эта вечная критика Австралии... Вот именно тогда у меня такое чувство, что я больше австралийка, чем русская, но на самом деле я тоже сильно критикую свою страну, несправедливость к аборигенам, к азиатам.

Сейчас мы ездим в Брисбен как раз в связи с одним из моих новых исследований. Там была конференция, называвшаяся «В поисках священного». Она связана с книгой австралийца Дэвида Тейси «На краю священного», эта книга пользуется большим успехом и посвящена тому, что австралийцы никогда не найдут свое я, свои корни, если они останутся как они есть, на берегу океана, и не будут иметь настоящей связи с внутренней Австралией, с ее архетипической душой, которая связана с аборигенами и их глубокой духовностью. На конференции доктор Тейси выступал с докладом «Австралийцы в поисках души». Потом на эту тему—поиски священного—была дискуссия, мы обсуждали духовность в Австралии, как она возникает, какие образуются связи с аборигенами. Доктор Тейси считает, что аборигенская духовность доступна всему австралийскому народу, но мы должны понять ее, и только постигнув ее, мы осознаем себя как австралийцы. Он считает, что войти в духовность аборигенов это не значит украсть ее, потому что духовное невозможно украсть, оно сакрально, им можно только делиться, но забрать его невозможно. А моя тема была «Обретение священного в обыденном». Я развивала эту тему на примере соотношения сакрального и профанного и у аборигенов, и у австралийцев. Но начала я с того, что мне близко самой—обыденное и священное в православии, причем я использовала свои материалы о новых обрядах в России, которые я собрала еще в 1969 году, и сравнивала их с тем, как аборигены соединяют христианство и другие австралийские символы со своей культурой в живописи, и в результате возникает новый стиль. И наоборот—австралийские художники пишут картины о том, как они проникают в мироощущение аборигенов, и из всего этого возникает новый подход к австралийской духовности в целом. Я, конечно, понимаю, что для всех австралийцев невозможно, да и не нужно, вникать в мировоззрение аборигенов. Но я уверена, что для нашей страны в целом будет большим благом, если ее граждане, и особенно недавние эмигранты, постараются понять и принять эту землю, ее народ и его уникальное культурное наследие.

Запись рассказа Ольги Гостиной сделана Еленой Говор

К статье Е.Говор о Гостинной редакция журнала нашла дополнительный материал касательно семьи Кочубей и Марии Кочубей, ставшей прототипом героини в поэме А.Пушкина "Полтава". Редакция считает этот материал небезынтересным и заключает им статью о Гостинной.

К СУДЬБЕ МАРИИ КОЧУБЕЙ, ПРОТОТИПА ГЕРОИНИ В ПОЭМЕ ПУШКИНА "ПОЛТАВА"

В 30-ти километрах от города Конотопа Черниговской области (Украина), на высоком берегу реки Сейм, расположено маленькое селение (сейчас - город) Батурин, бывший в XVII веке резиденцией украинских гетманов. В Батурине сохранилось несколько исторических и архитектурных памятников, в том числе дом генерального судьи Левобережной Украины Василия Леонтьевича Кочубея. Он и его жена Любовь Петровна имели дочь по имени Матрёна. Эта красавица Матрёна и стала прототипом пушкинской Марии в поэме "Полтава".

В 1702 г. Кочубей с Матрёной находился в Париже. Там он заказал неизвестному итальянскому художнику портрет своей красавицы дочери. Портрет был написан, и Кочубей привёз его в Батурин, где он оставался вплоть до Октябрьской революции у потомков Кочубея. Потом каким-то образом портрет попал к жительнице Батурина. С него сняли фотокопию и поместили в краеведческий музей. Что касается судьбы самой Матрёны, то после скоропостижной смерти Мазепы, бежавшего в Турцию в 1703 г., она по настоянию матери постриглась в монахини в Пушкарский монастырь близ Полтавы.

Пушкин, работая над поэмой, долго колебался в выборе имени для своей героини. В черновиках оно последовательно менялось: Матрёна ("Он горд Матрёною молодой"), Наталья ("Он горд Натальей молодой, своею дочерью меньшей"), Анна ("И подлинно, прекрасной Анны милее нет"). Когда и почему поэт изменил имя на "Мария" - неизвестно. Считается, что поэма адресована Марии Волконской, находившейся в Сибири вместе с сосланным мужем - декабристом.

ОТ РЕДАКЦИИ: По странному стечению обстоятельств в нашу редакцию почти одновременно пришли две статьи из разных источников: одна статья об Ольге Гостинной, другая - о её муже Викторе Гостине. В этом номере журнала, помещая вторую часть статьи "Ольга Гостина из рода Кочубеев", мы решили следом за ней напечатать статью о её муже - геологе д-ре Гостине. Поскольку они соединены в жизни, не будем их разъединять в журнале!

Семья Гостинных. Слева направо: Андрей, Ольга, Виктор, Наташа.

РУССКИЙ ГЕОЛОГ ИЗ АДЕЛАИДЫ

Во многих австралийских газетах 1989 г. были напечатаны статьи о нашем соотечественнике - геологе докторе В.А. Гостине. В статьях говорилось, что геолог Гостин из Южной Австралии провёл очень важную исследовательскую работу в области седиментологии и стратиграфии в горах Флиндерс (к северу от Аделаиды). Он обнаружил в горах пласт скалистых пород, образовавшихся в результате столкновения с гигантским метеоритом, который упал на землю

приблизительно 600 миллионов лет назад. Д-р Гостин обследовал 260-километровый изгиб в горах Флиндерс, нашел метеоритный кратер и определил площадь, по которой распространяется выброс обломков из кратера во время извержения. Такие детальные сведения были собраны впервые, и за свои открытия д-р Гостин удостоился чести: его именем назван новый астероид.

Виктор Андреевич Гостин родился и до 10 лет жил в Шанхае. В 1950 году он с родителями переселился в Австралию, в Мельбурн. Его отец Андрей Леонидович Гостинопольский оказался в Китае после революции; в Шанхае он встретил свою будущую жену Ольгу Федоровну Васильеву, с которой повенчался в русской православной церкви Шанхая.

Андрей Леонидович был хорошим музыкантом и художником, любил проводить время на природе, интересовался археологией и древней историей. Он научил сына рисовать пейзажи и, возможно, развил у мальчика интерес к изучению окружающей среды. Еще в Шанхае Виктор Андреевич начал изучение иностранных языков и свободно владеет французским, английским и русским. Окончив школу в Австралии, он поступил в Мельбурнский университет, где получил степень бакалавра в 1962 г. и степень магистра в 1964 г. Над докторской диссертацией он работал в Австралийском национальном университете в Канберре и получил PhD в 1968 году.

Научные работы В.А. связаны с темами воздействия климатических условий на происхождение и распределение осадочных пород в земной коре и воздействия ледниковых формаций древнего периода, а также с проблемами современных прибрежных и подводных отложений.

В.А. участвовал в программе глубоководного бурения морского дна LEG 29 в 1973 году (к югу от Австралии) и был помощником старшего учёного нескольких морских геологических-геофизических программ, плавая на научных судах к югу и к западу от Австралии в последующие годы. Отчёты об этих исследованиях напечатаны в ряде научных публикаций.

Другие публикации д-ра Гостина включают результаты его работ в сфере осадочной и нефтяной геологии и планетарной геологии.

В.А. является членом многих научных обществ и в настоящее время - председателем Южноавстралийского отделения Австралийского геологического общества.

С 1970 г. В.А. преподает геологию в Аделаидском университете. Сначала он занимал должность лектора, потом старшего лектора, а с 1994 г. и до настоящего времени - адъюнкт-профессора. В.А. читает лекции, проводит практические занятия со студентами и руководит диссертациями аспирантов, среди которых уже 13 человек получили степень магистра и 12 человек - докторскую степень.

THE UNIVERSITY OF ADELAIDE

Department of Geology and Geophysics

Assoc. Prof. Victor A. Gostin MSc, PhD

Environmental & Planetary Geology

The University of Adelaide, South Australia 5005
Tel: +61 8 8303 4039 (direct), 8303 5376 (Dept), 8264 4774 (home)
Fax: +61 8 8303 4347
E-mail: victor.gostin@adelaide.edu.au

В 1985 году, когда д-р Гостин нашёл уникальный горный пласт на хребте Флиндерс, американские астрономы д-р Джин и д-р Каролайн Шумэйкер обнаружили новый астероид, но прежде чем заявить о своих правах на его наименование, они должны были описать его свойства и орбитальную траекторию, которая расположена на расстоянии 2.2 астрономических единиц от солнца. (Земля находится на расстоянии одной астрономической единицы от солнца).

Д-р Гостин посчитал решение о наименовании астероида (3640)-ГОСТИН большой честью для себя, тем более, что этот астероид "хорошего поведения", т.е. он движется почти по круговой орбите и скорее всего никогда не упадёт на землю. А те астероиды, которые не совсем "хорошо себя ведут" и которые движутся по эллиптическим орбитам, могут пересечь нашу орбиту и упасть на нас.

Один из австралийских журналистов написал: "Много времени спустя, когда д-ра Гостина уже не будет на этом свете, космическое тело, носящее его имя, (3640)-ГОСТИН, будет всё еще носиться где-то между Марсом и Юпитером, напоминая астрономам о научном вкладе австралийского учёного, сделанном для истории нашей планеты". Мы тоже гордимся нашим соотечественником: нельзя не радоваться, что еще один русский учёный оставил свой след не только на земле, но и среди звёзд на небе.

Н. ЛЕБЕДЕВ, Н. МЕЛЬНИКОВА